

Кошмар Гитлера на обочине

Владимир Будыгер

Строят сейчас много. Дома, дороги, магазины. Причем строят быстро. Поэтому то, что на обочине Дмитровского шоссе появилось новое здание белого цвета, нисколько не удивило. Но когда, подъехав поближе, увидел рядом танк на постаменте и прочел надпись «Музей истории танка Т-34», стало интересно. Кто построил, почему именно здесь?

Зайдя внутрь, задаю эти вопросы женщине, продающей билеты. Она отвечает, что мне лучше поговорить с Ларисой Николаевной.

— Это ваш директор?

— Это известная поэтесса и писательница Лариса Николаевна Васильева.

По моему лицу женщина понимает, что я пытаюсь вспомнить это имя, и облегчает мне задачу.

— Она — автор книг «Кремлевские жены», «Дети Кремля» и многих других.

— С каких это пор поэтессы строят музеи танков?

— Ее отец, Николай Алексеевич Кучеренко, был одним из создателей тридцатьчетверки.

С Ларисой Николаевной мы встретились в тот же день вечером на ее даче, находящейся буквально в ста метрах от музея. Еще раньше я обратил внимание на то, что отношения между сотрудниками больше похожи на семейные, чем на рабочие. На вопрос о том, как подбирались люди, она ответила, что все, кто есть, пришли сами. Вообще приходили многие, но большинство так же и исчезли, как появились, ведь до недавних пор все делалось на энтузиазме. Первые зарплатные сотрудники получили лишь в прошлом месяце.

За ужином она рассказала, что началось все 12 сентября 1976 года, когда умирал ее отец. В тот день у нее появилась мысль написать книгу, которую так и назвала — «Книга об отце». В основе ее лежала история создания тридцатьчетверки. После выхода книги пришло около восьми тысяч писем от читателей. Люди присылали свои воспоминания о танкистах и танкостроителях, какие-то вещи, с этим связанные. Однажды у нее в гостях был Гейченко, знаменитый директор пушкинского музея в Михайловском, поднявший его из руин после войны. Он посмотрел на все это и сказал: «Знаешь что, открывай музей. Домашним он будет, народным, псевдонародным — не думай об этом. Пусть к тебе идут люди, а там разберешься». И в 85-м году она его открыла, здесь, на своей даче.

Но с годами экспонаты все прибавлялись, и в доме им стало тесно. Тогда и родилась идея построить для музея здание. По словам Ларисы Николаевны, если бы она знала обо всех трудностях, которые возникнут во время строительства, вряд ли бы вообще взялась за это. Представьте себе, женщина, поэтесса, у которой даже есть своя звезда в созвездии Стрельца, подписанная Германом Титовым, у нее масса всяких цацек-наград, она член двух академий, специальный преподаватель Ноттингемского университета, у нее вышло восемь книг, сейчас пишет девятую. И вдруг она все бросает и делает только это. Что ей двигало? Только ли стремление увековечить память об отце?

Диорама «Лобня. Наступление. 1941 год» — особая гордость Ларисы Николаевны Васильевой

— Лариса Николаевна, скажите честно, был ли выделен роль вашего отца в создании танка?

— Если бы мой отец не был тем, кем он был, я бы никогда и не занялась этим. Дел у меня достаточно. Когда-то я сказала папе, что хочу написать о нем книгу. Он ответил: «Обо мне не надо, напиши о нас. Что ты вообще знаешь?» Я действительно знала не много. Но очень четко и теперь помню один день из детства, когда из ворот завода в Нижнем Тагиле, куда нас эвакуировали, выходит первый танк Т-34. Он весь черный, мне страшно от гула его двигателя. Я прячусь за мамину спину и вижу на белом снегу две черные страшные по-

лосы. Тогда отец впервые за время эвакуации пришел домой. Он никогда не говорил о работе, даже когда вышел на пенсию. Но я всегда чувствовала, что вокруг

этой легендарной машины много недосказанного, запутанного. И замысел создания музея был в том, чтобы рассказать обо всех, кто имел отношение к танку. О

тех, кто его создавал, и о тех, кто воевал на нем. Надеюсь, нам это удалось, хотя бы отчасти.

— Каким был первый шаг?

— Я написала два письма — Лужкову и Громову. Лужков отозвался моментально. Когда-то я делала книгу, которая была признана лучшей книгой о Москве. Юрий Михайлович спросил: «Это та Лариса, которая делала «Душу Москвы»? И тут же дал денег. Тем более что день открытия музея совпал с датой шестидесятилетия начала наступления под Москвой, и правительство столицы не жалело сил и средств на подготовку к юбилею.

— А Громов?

— Он тоже откликнулся и приказал выделить финансы, даже был у нас на откры-

Замысел создания музея был в том, чтобы рассказать обо всех, кто имел отношение к танку. О тех, кто его создавал, и о тех, кто воевал на нем. Надеюсь, нам это удалось, хотя бы отчасти

Старик Черчилль знал, что говорит

По версии сотрудников музея, кроме тактических задач, блестяще выполненных, тридцатьчетверка сыграла и стратегическую роль во Второй мировой войне. Дело в том, что в августе сорок первого, когда до Москвы оставалось всего триста километров, Гитлер повернул танковые дивизии на юг. Он говорил Гудериану, что Харьков ему сейчас важнее, чем Москва. А почему? Да потому, что там находился завод, на котором выпускался Т-34. А Гитлер боялся русских танков. Он называл их своим кошмаром. Несмотря на то что немецкие инженеры еще в первые дни войны получили в качестве трофеев несколько тридцатьчетверок, воспроизвести их они так и не смогли. Хотя и очень старались.

Сейчас некоторые пытаются доказать, что Т-34 вовсе не был лучшим танком. Но даже не страдающий излишней к нам любовью Черчилль назвал его лучшим оружием Второй мировой войны, наряду с «мессершмитом» и английской пушкой. А старик знал, что говорит.

тии. Но есть такая организация, как казначейство, которое вот уже скоро год не может эти деньги нам выплатить. К счастью, нам помогают администрация городов Лобня, Мытищи, Долгопрудный, Министерство обороны и многие другие организации и частные лица. Танк, который стоит у нас, подарил Московский физико-технический институт. Многие ценные экспонаты передала нам Екатерина Сергеевна Катукова, вдова знаменитого генерала, прошедшая с ним всю войну.

— От ваших сотрудниц я услышал, что музей не имеет аналогов не только в России, но и в мире. Это правда?

— Дело в том, что наш музей посвящен одной конкретной боевой машине. У нас собраны уникальные данные по истории именно этого танка. Есть много очень хороших музеев о войне, но в силу своей многопрофильности они просто не в состоянии представить такую полную информацию о каком-то одном виде вооружения.

— Кстати, о военных музеях. Бывали ли у вас их представители?

— Да, конечно. И на открытие приезжали, и после. Честно говоря, мы с тревогой и любопытством ждали отзывов профессионалов. Но все прошло как нельзя лучше. Кроме нескольких замечаний чисто композиционного плана, мнения высказывались только положительные.

Время уже было позднее, следовало попрощаться с гостеприимной хозяйкой, но на языке вертелся еще один вопрос. Я сомневался, стоит ли его задавать, но уже на пороге все-таки решился.

— Лариса Николаевна, а не было сомнений в нужности того, что вы делаете?

— За полгода нас посетили более трех тысяч человек. И это при том, что мы еще настоящему не вели экскурсионной работы, о нас еще не многие знают. Только сейчас мы начинаем сотрудничество с туристическими фирмами, с отделами образования. Нет сомнений в том, что такой музей нужен. Ветеранов, тех, кто мог бы рассказать о войне, к сожалению, остается все меньше, а интерес к этой теме, безусловно, есть.

Возвращаясь в Москву, я подумал, что отличие этого музея от других не в том, о чем говорила Лариса Николаевна. На мой взгляд, он уникален тем, что спустя полвека после окончания войны, когда многие музеи закрываются или находятся на грани закрытия, вообще был построен. Что есть такая женщина, которая его придумала, выносила в себе и выстрадала идею, а потом воплотила ее в жизнь, приоткрыв неизвестные страницы военной истории и не давая нам забыть о тех, перед кем мы в неоплатном долгу.